

Сюй Би как раз читал докладную записку. Заметив Тан Шэня, он слегка кивнул ему. Тан Шэнь, не проронив ни звука, послушно встал за его спиной.

Дочитав докладную записку, Сюй Би со вздохом протянул её Тан Шэню:

— Взгляни-ка.

Тан Шэнь почтительно принял документ обеими руками, развернул его и принялся читать.

Вначале он сохранял полное спокойствие, но, дочитав до середины, внезапно опешил. Немного подумав, он вернулся к самому первому иероглифу и заново, слово за словом, внимательно перечитал всё послание.

Тан Шэнь потерял дар речи.

— Подчиненный закончил чтение, — сказал Тан Шэнь.

Сюй Би отхлебнул чаю:

— Ну и как тебе?

— ...Глава управы Цанчжоу, господин Лю, пишет на редкость изящно и витиевато. Куда уж вашему покорному слуге до его выдающегося таланта.

Проще говоря, в докладе было столько пустой болтовни, что рябило в глазах.

Сюй Би беспомощно улыбнулся:

— Вот в этом и заключается твоя служба. Докладные записки от местных чиновников сначала поступают ко мне. Я просматриваю их, составляю краткое изложение и лишь затем отправляю на стол Его Величества. Господин Тан, ты ведь прежде служил придворным историографом и должен знать, сколько докладов Его Величество просматривает каждый день?

— Подчиненный знает об этом.

Сюй Би со вздохом добавил:

— Нелегко приходится Его Величеству!

Тан Шэнь впервые почувствовал искреннее сочувствие к императору Чжао Фу.

Среди четырёх канцлеров во Дворце Циньчжэн правый советник Сюй Би, Сюй Линхоу, был самым старшим — он уже перешагнул семидесятилетний рубеж. Говорят, в прошлом году Сюй Линхоу просил Его Величество об отставке, желая удалиться на покой в родные края. Чжао Фу поначалу собирался согласиться, но в совете не нашлось подходящей кандидатуры, способной заменить Сюй Би. Любые поспешные перестановки могли пошатнуть баланс сил при дворе, поэтому Чжао Фу оставил его на службе.

Сюй Линхоу отличался мягким и доброжелательным нравом. Он часто заглядывал в задние комнаты Дворца Циньчжэн, чтобы побеседовать с чиновниками четвёртого ранга.

Все доклады, присылаемые местными чиновниками в Шэнцзин, должны были пройти через руки Сюй Би, прежде чем попасть к императору. Едва Тан Шэнь, будучи секретарем Центрального секретариата, вернулся из кабинета Сюй Би, как следом за ним двое служителей

внесли ящик с докладными записками.

Тан Шэнь тяжело вздохнул, глядя в потолок.

Вся первая половина дня ушла на чтение докладов.

К полудню желудок уже подводило от голода. Чиновники продолжали трудиться, когда служащие Дворца Циньчжэн начали разносить еду, раскладывая рис и закуски по тарелкам прямо из деревянных бадей.

Те, кто служил в Центральном секретариате во Дворце Циньчжэн, носили чины не ниже четвёртого ранга. Даже в Шэнцзине, столице Великой Сун, они считались влиятельными чиновниками и приближёнными императора. Однако на обед слуги приносили им простейшую еду: одно мясное блюдо и одно овощное. Рис был настолько жёстким, что от него ломило зубы, а сами блюда, хоть и были свежими, вкусом не отличались.

В бытность свою придворным историографом, когда выпадал черёд дежурить во дворец, Тан Шэню доводилось обедать вслед за Чжао Фу кушаньями, приготовленными императорскими поварами. В обычные же дни еда в управе мало чем отличалась от сегодняшней во Дворце Циньчжэн — она была даже более безвкусной, чем пища в столовых из его прошлой жизни!

Проведя два года в управе Гусу, Тан Шэнь привык к деликатесам, да и дома стряпня Тётушки Яо всегда была выше всяких похвал. Теперь же он служил во Дворце Циньчжэн — должность почетная, но о разносолах императорской кухни можно было забыть. Впереди его ждали лишь унылые, безвкусные обеды.

Тан Шэнь вздохнул и принялся жевать пресную пищу, словно солому.

Остальные чиновники во Дворце Циньчжэн, казалось, давно привыкли к этому и невозмутимо обеды.

На середине трапезы Тан Шэнь поднял голову и вдруг заметил снаружи знакомый силуэт. Удивившись, он отложил палочки и вышел во двор.

Посреди двора стоял Ван Чжэнь в тёмно-красном чиновничьем одеянии. В руке он держал деревянную плашку-пропуск и смотрел на Тан Шэня.

Бросив взгляд на плашку в его руке, Тан Шэнь спросил:

— Шисюн, почему ты здесь? Что это у тебя?

Спрятав плашку в рукав, Ван Чжэнь окинул Тан Шэня взглядом с ног до головы и вздохнул:

— Младший шиди, ты, кажется, похудел.

Тан Шэнь растерялся, подумав про себя: «Да вроде бы нет...»

— Почему шисюн так решил?

— Если не сейчас, то через три дня точно похудеешь. Разве ты можешь есть то, что дают во Дворце Циньчжэн?

Тан Шэню оставалось лишь горько вздохнуть.

Ван Чжэнь, заметив его выражение лица, всё понял без слов. Он мягко улыбнулся:

— Идём.

Ничего не понимая, Тан Шэнь последовал за Ван Чжэнем. Они шли по крытой галерее. Попадавшиеся навстречу служащие останавливались, почтительно кланялись со словами: «Ван Цюань», и лишь затем продолжали свой путь. Ван Чжэнь привёл Тан Шэня к кабинету министра финансов. Но перед самой дверью Тан Шэнь помедлил, на его лице отразилось сомнение.

Ван Чжэнь обернулся к нему:

— Господина Мэна сегодня нет во дворе.

Под «господином Мэном» он имел в виду министра ритуалов Мэн Лана!

Тан Шэнь хорошо помнил свой первый визит во Дворце Циньчжэн, когда этот самый господин Мэн водил его за собой от кабинетов четырёх канцлеров до палат министров шести ведомств. Его разглядывали словно диковинную обезьянку в клетке — все эти влиятельные сановники первого и второго рангов! И главным виновником того позора был не кто иной, как министр ритуалов Мэн Лан, деливший кабинет с Ван Чжэнем!

Раз Мэн Лан не было, Тан Шэнь со спокойной душой вошёл в комнату вслед за Ван Чжэнем.

Вскоре двое слуг внесли в комнату лакированные короба для еды. Приподняв крышки, они принялись расставлять блюда на столе. Конечно, эти яства уступали творениям императорских поваров, да и повара в поместье Ван Чжэня готовили лучше, но Тан Шэнь, только что жевавший пресный казенный обед, при виде этого изобилия прямо-таки просиял.

Ван Цзыфэн устроил себе отдельную кухню!

Соученики принялись за еду. Когда они насытились, Тан Шэнь поллюбопытствовал:

— Шисюн, откуда эти блюда? Я думал, все чиновники во Дворце Циньчжэн обязаны обедать вместе.

Ван Чжэнь пояснил:

— Всё верно, однако ты не знаешь, что у четырёх канцлеров есть своя отдельная кухня.

— О? — Но подожди, какое отношение это имеет к тебе?

Ван Чжэнь сделал глоток лунцзина и, глядя куда-то вдаль, негромко произнёс:

— Благодаря благосклонности Правого канцлера мне тоже часто перепадает доля.

Лишь мгновение спустя Тан Шэнь сообразил...

Правый канцлер?

Ван Цюань!

Двоюродный дед Ван Чжэня!

«Да уж, хорошо иметь покровителей при дворе, даже обед у тебя совсем другой!» Но, подумав еще немного, Тан Шэнь ухмыльнулся: у него ведь тоже был свой покровитель в верхах — сам Ван Чжэнь, благодаря которому он только что набил свой желудок.

После обеда они выпили по чашке чая. Тан Шэню пора было возвращаться к делам. Перед уходом он на мгновение задумался и с некоторым сомнением позвал:

— Шисюн Цзыфэн.

— Хм?

— Я сейчас служу под началом Сюй Линхоу.

Ван Чжэнь поднял глаза и посмотрел на Тан Шэня.

Тан Шэнь ответил ему тем же взглядом.

Спустя долгое время Ван Чжэнь с улыбкой спросил:

— Младший шиди, придёшь завтра обедать?

Тан Шэнь с облегчением вздохнул и улыбнулся:

— Приду!

За время правления Чжао Фу в Центральном секретариате сменилось несколько канцлеров. Некоторых разжаловали и сослали за тяжкие преступления, но большинство уходили сами по почтенному возрасту, подавая прошения Чжао Фу, и благополучно возвращались в родные края. Сейчас же каждый из четырёх канцлеров, управлявших Дворцом Циньчжэн, возглавлял собственную фракцию.

Среди них Левый канцлер Цзи Вэнцзи происходил из скромной семьи. Он мало общался с остальными тремя и держался особняком.

Правый канцлер Ван Цюань был выходцем из знатного рода и принадлежал к клану Ван из Ланя. Он дружил со школьных времен с левым советником Чэнь Линхаем, и они поддерживали тесные связи.

Кроме того, правый советник Сюй Би был уже глубоким старцем, глубоко уважаемым сановником, служившим при трёх императорах.

Ван Чжэнь относился к фракции молодых чиновников, но в то же время приходился племянником Ван Цюаню. Какими бы ни были обстоятельства, его связь с Ван Цюанем оставалась неразрывной. Теперь, когда Тан Шэнь служил под началом Сюй Би, он нарочно заговорил об этом с Ван Чжэнем. Ответ Ван Чжэня — прийти завтра снова пообедать вместе — одним махом исчерпал тему, показав, что тот не придаёт этому значения.

Хоть это и не было великой проблемой, Тан Шэнь не хотел, чтобы между ним и Ван Чжэнем возникла отчуждённость, которая могла бы повредить их братским отношениям соучеников.

К сегодняшнему дню его отношение к Ван Чжэню перестало быть корыстным. Он постепенно начал видеть в нём настоящего шисюна, надёжного друга и старшего брата. Тан Шэнь никогда не забывал того, что Ван Чжэнь сделал для него той ночью на постоялом дворе в Цычжоу.

Когда Чжао Фу отправил Ван Чжэня в Цычжоу расследовать дело о растрате, тот вполне мог ехать обычной дорогой, не торопясь. Даже если бы по прибытии в Цычжоу он не смог добыть грассбух Су Вэньюня, он всё равно получил бы награду от Чжао Фу. В свои двадцать семь лет он уже достиг вершин чиновничьей карьеры, заняв пост министра финансов. За это дело Чжао Фу лишь пожаловал ему золото и серебро, без какого-либо повышения. Даже соверши он подвиг великого масштаба, Его Величество мог одарить его лишь материальными благами.

Ван Чжэнь торопился в путь по двум причинам: во-первых, чтобы поскорее вмешаться в дело о растрате в Цычжоу и заслужить больше почестей; во-вторых, и это важнее всего, ради Тан Шэня.

Цычжоу представлял собой опасное болото, полное скрытых угроз, а Тан Шэнь был всего лишь мелким придворным историографом пятого ранга. Все понимали, что он — глаза и уши императора, поэтому его положение в Цычжоу оставалось крайне щекотливым: никто не принимал его всерьёз и не доверял ему.

<http://bllate.org/book/18292/1754555>